

Х.В. Дзутцев, А.Р. Габуева

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ДЗУЦЕВ Хасан Владимирович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

ГАБУЕВА Анжела Руслановна — аспирантка кафедры социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

На современном этапе социально-экономического и политического обустройства перед управленческой элитой республик СКФО стоит задача изменения сложной социальной ситуации, сложившейся здесь за последние 17–20 лет; в этих условиях стала приемлемой апелляция к различного рода инструментам — авторитету, воле, праву, принуждению, — а также поиск ресурсов. Механизм реализации принимаемых решений требует взаимодействия социума и власти, так как политика преобразования должна опираться на все социальные слои общества, а система властных (государственных) органов в целом должна быть подотчетной гражданам. Эффективному социально-экономическому развитию республик СКФО и их слиянию в единый экономический организм могут способствовать следующие факторы: индустриализация аграрно-промышленного комплекса; развитие на основе новых инновационных технологий малого, среднего и крупного бизнеса; повышение системы управления с целью интеграции республик и участие исполнительных органов власти в выработке общих решений, планирования и реализации инновационных проектов; формирование среднего класса как элемента социальной структуры РФ и современного глобального мира; разработка плана социальной мобильности населения: переезда жителей села в города — своего рода социального лифта, — чтобы ускорить формирование урбанизированного мультикультурного общества, основанного на сосуществовании в рамках единого государства относительно замкнутых социальных сегментов культурных общностей.

Политическая обстановка в республиках СКФО в данное время находится на грани кризиса, обусловленного прежде всего экономической нестабильностью: растет безработица, являющаяся определяющим фактором бедности населения; остро стоит вопрос об отношении населения к республиканским властям, так как повсеместно присутствует невнимание властей к проблемам народа.

Северо-Кавказский федеральный округ объединяет шесть республик, которые сформированы по национально-территориальному принципу. Именно в этих субъектах доля титульного населения максимально высока. Автохтонные этносы в целом сохранили свою этническую территорию, однако за счет массовых миграций, происходящих здесь с конца XIX в. до настоящего времени, в регионе появились новые диаспоры. Кроме того,

произошло определенное изменение ареала горских народов, связанное и с миграционными процессами, и с национально-государственным строительством в советский период¹. Нетитульные этносы заняли свою особую нишу в экономике региона, внося в нее ощутимый вклад. Эти граждане России не озабочены вопросом обретения собственной государственности, не требуют для своего народа каких-то особых преференций. Именно в направлении такой экономической и политической интеграции и должно двигаться наше многонациональное общество.

Для полноценной реализации целей и задач исследования в каждой республике в январе–феврале 2010 г. был проведен репрезентативный опрос жителей. Целесообразный объем выборки в каждой республике составил 500 респондентов и 5 экспертов. Общий объем выборки для семи республик составил соответственно 3500 респондентов (из них 50% — коренное население и 50% — русские и русскоязычные) и 35 экспертов. Математическая погрешность такой выборки не превышает 1,4%, т.е. обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Для проведения опроса в каждой республике выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и национальным признакам. Конкретные параметры выборки, построенные на основании данных государственной статистики по каждой республике, приведены ниже.

Как показывают результаты массового опроса, подавляющее большинство респондентов называют себя гражданами России. Но проявляется это, считают эксперты, чисто символически: граждане не вкладывают в свою гражданственность политическое понимание. Может быть, это связано с традиционным сознанием, с тем, что большинство кавказских республик вошло в состав России всего несколько веков назад. В любом случае такая ситуация является следствием неразвитости гражданских институтов и гражданского сознания народов Кавказа. Уровень гражданского самосознания настолько низок, что большая часть граждан СКФО не проявляет особого интереса к своим правам: они не знакомы с Конституцией РФ, не знают своих гражданских прав, не умеют их отстаивать. И государство в лице нынешних властей сознательно попустительствует этому незнанию, так как оно освобождает ее (власть) от гражданского контроля со стороны общества.

Таким образом, в целом положение дел в республиках СКФО определяется как устойчиво негативное. В той или иной степени, но большинство населения субъектов СКФО РФ недовольно положением дел в республиках. Наибольший уровень недовольства выразили жители Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, где число «недовольных» в несколько раз превышает число «довольных».

Наибольшее число респондентов, считающих ситуацию в своей республике удовлетворительной, в Чечне — только здесь доля «довольных» больше доли «недовольных» респондентов, как видим, все относительно. Все же значительная часть населения бедствует, нет работы, низки зарплаты и пенсии, а власти не способны организовать экономическую жизнь на подведомственных им территориях так, чтобы ресурсы республик были использованы эффективным образом в решении проблем населения. Отсюда недовольство властью. Основные претензии во всех рассматриваемых республиках

¹ Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Котеленко Д. Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. — Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. С. 11..

вызывает кадровая политика, проводимая в аппаратах управления: в ее основе кланово-коррупционный подход, даже если он противоречит принципам профессионально-эффективного подхода. В результате административный аппарат количественно перегружен, а эффект его деятельности практически нулевой и даже отрицательный.

Определенный отрицательный резонанс вызывает несоответствие между реальной картиной жизни и тем ее отражением, которое представляют СМИ.

Однако пока только как тенденция, «намеком» в обществе развивается мысль о том, что фундаментом политического и экономического развития является не власть, правительство, а гражданское общество. Только осознав свою гражданскую ответственность, деятельно проявив гражданскую позицию, человек может получить гражданские права.

Основные проблемы республик ЮФО, наверное, общеизвестны и характерны для многих регионов РФ. Главная из них — высокий уровень коррупции, сосредоточение власти в руках определенных кланов. Коррупция становится основой для неразвитости экономики, игнорирования закона, безответственности руководителей, отсутствия хороших и доступных врачей, юристов, экономистов, инженеров, учителей, плохой работы городских служб, отсутствия должного уважения к труду.

Не меньшая проблема связана с высоким уровнем безработицы. В последние годы количество занятого населения практически остается неизменным, не создаются рабочие места. Незанятость большей части населения в совокупности с низкими трудовыми доходами создает благоприятные условия для роста преступности, терроризма, религиозно-политического экстремизма, наркомании, пьянства.

Наряду с низким уровнем средних показателей доходов населения наблюдается высокая степень его дифференциации по уровню доходов, порождающая массу противоречий между бедными и богатыми.

Как показали материалы исследования, на первый план выходят проблемы экономического характера, которые, в свою очередь, провоцируют разрастание противоречия между народом и властью. Круг замыкается. И для многих исходной точкой является проблема взаимоотношений общества и власти. Слабость общества влияет на все стороны жизни самым негативным образом тем, что оно никак не может влиять на власть.

Вместе с тем по-прежнему вызывает опасения межнациональная напряженность, имеющая сейчас скрытое состояние, но вызывающая неуверенность в завтрашнем дне.

Неудовлетворенность качеством жизни ставит вопросы о причинах и виновных в его низком уровне. Как правило, основная ответственность возлагается на власть. Почти во всех республиках СКФО ответственность за происходящее в политической жизни респонденты возлагают на республиканские власти. Это особенно ярко проявляется в ответах опрошенных в КБР и КЧР — здесь доля респондентов, считающих наиболее ответственными республиканские власти, в 2–3 раза превышает долю респондентов, считающих, что в ответе за все происходящее в стране в целом и на Кавказе в частности федеральные власти. И только чеченцы ЧР и русскоязычные РИ в большинстве своем полагают, что республиканские органы власти есть лишь инструмент в руках федерального центра в реализации федеральной региональной политики.

Однако мнение экспертов не совпадает с мнением респондентов массового опроса. Если бюджет республики на 60–80% дотационный, то очень многое зависит именно от федеральной власти. Кроме того, в профессиональном плане руководители республик Северного Кавказа не подготовлены к функции управления республиками.

Отношения национальных субъектов Кавказа с федеральным центром всегда были неоднозначными. Сегодня, когда встает вопрос о разделении властных полномочий между федеральным и региональным уровнями, мнения довольно резко расходятся. Приверженцы идеи укрепления региональной власти обосновывают ее необходимостью приближения этой власти к управляемому объекту, создания условий для большей ее самостоятельности в решении проблем территории. При этом фактически сложилась ситуация, когда федеральный центр ограничил свои взаимоотношения с субъектами Российской Федерации, в частности с республиками Северного Кавказа, такими отношениями, когда центр выделяет средства, а субъект обеспечивает нужный процент голосов на выборах. А как реализуются выделенные средства – никто не отслеживает.

Противники децентрализации власти считают в условиях экономической и политической нестабильности совершенно оправданной жесткую связь «центральная власть – республиканская власть». Без такой связи, без самого активного участия федеральных структур на национальных окраинах вполне возможны вспышки, доходящие до братоубийственной войны. Мало того, необходимо, чтобы федеральные власти доминировали. Без жесткой вертикали власти, без подотчетности региональной власти федеральным регионам быстро придут к процессам дезинтеграции, которые могут стать угрозой территориальной целостности РФ.

Сторонники централизации власти аргументируют свою точку зрения также тем, что региональные власти дискредитировали себя, оказавшись неспособными выполнить свою основную функцию управления – обеспечение приемлемого уровня жизни населения территории. Отсюда низкий уровень доверия к власти, который наблюдается в частности в северокавказских республиках, и дистанцирование власти и народа.

Недовольство руководством республики проявляется большинством населения СКФО РФ и имеет тенденцию к усилению. В социуме существует устойчивое мнение о том, что современной управленческой элите СКФО присущи все самые отрицательные характеристики: клановость, организованная преступность, незаконный игровой бизнес, торговля наркотиками, проституция, насилие при осуществлении финансовых операций, казнокрадство...

Политическую обстановку в республиках СКФО респонденты оценивают по-разному. В каждом из рассматриваемых субъектов есть мнение как о сильной или умеренной политической напряженности, так и о стабильности. В Ингушетии преобладающей является доля населения, свидетельствующая о сильной политической напряженности; в РСО – А, КБР и РД – об умеренной напряженности; в ЧР, КЧР, РА – о политической стабильности. Самые мягкие оценки можно свести к следующему: во-первых, неспособность органов власти решать проблемы населения; во-вторых, нежелание решать эти проблемы; в-третьих, невозможность решать эти проблемы по причине низкой компетентности.

Литература:

- 1 Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология, пройденное и новые горизонты // Социс, 2000, №4
- 2 Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы: интерактивное учебное пособие. М.: Институт социологии РАН, 2011;
- 3 Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003

- 4 Лапин Н.И. Пути России. М., 2000;
- 5 Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002;
- 6 Матишов Г. Г. , Батиев Л. В., Котеленко Д. Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. С. 11.
- 7 Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- 8 Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Социальное самосознание. Самара, 2000.

В.С. Кан

ЧТО ВАЖНО УЧИТЫВАТЬ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

КАН Валерия Сергеевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии и политологии Тувинского института гуманитарных исследований. E-mail: kan-tuva@mail.ru

В данной публикации представлены факторы, некоторые организационные сложности и методические ограничения проведения социологических опросов в Республике Тыва, а также отношение к ним со стороны местных жителей. Опыт руководства социологическими исследованиями (2005–2013 гг.), популяризации их результатов в СМИ, активная общественная деятельность позволили обобщить их. Этот материал может быть интересным и полезным специалистам, в том числе – потенциальным заказчикам (на этапе планирования проектов и адекватного восприятия их итогов).

На первый взгляд, многие черты развития и проблемы, характерные для Тувы как национального региона Сибири, типичны для всей страны. Но в силу специфики географических и исторических условий, социального положения и культурных традиций населения республики они выражены острее и шире. Более полный учет общих и специфических особенностей региона при разработке методического инструментария будет работать на повышение точности получаемой социологической информации. Потребность в ней возрастает в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов на территории Сибири, и, главного из них, – строительства железной дороги в Туву (с 2012 г.).

Итак, на порядок проведения социологических опросов влияют следующие факторы:

- 1 природно-географические: труднодоступное и изолированное положение региона, преимущественно горный ландшафт, резко континентальный климат (морозы до -50° С зимой и жара до $+40^{\circ}$ С летом);
- 2 социально-географические: транспортная труднодоступность региона (отсутствие железной дороги, малое число авиарейсов); большая территория (168,6 тыс. кв. км), одна из самых низких плотность населения (1,83 чел. на 1 кв. км по данным Росстата на 1 января 2012 г.); большое число труднодоступных мест проживания людей (поселения в верховьях р. Енисей, чабанские и оленеводческие стоянки); большая доля сельского населения (46,9%);
- 3 социально-экономические: слабое развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли; высокий уровень социального иждивения, бедности, безработицы, алкоголизации, преступности; низкий уровень обеспеченности населения жильем, средствами связи, в том числе стационарной телефонной связью и Интернетом (по данным Росстата за 2011 г. пользователей Интернета в Туве – 15,8%); неразвитая социальная инфраструктура в сельской местности (отсутствие в ряде районов гостиниц, пунктов общественного питания, плохие дороги);
- 4 социально-политические: существование национального региона с собственными законодательными, исполнительными и судебными органами

- власти; большая роль национальной элиты, приближенной к правящей верхушке; распространенность коррупции и клановости во власти; стремление властей контролировать общественно-политические процессы и ограничить свободу слова; слабое развитие институтов гражданского общества (СМИ, общественные объединения и др.);
- 5 социально-демографические: молодой состав населения (средний возраст жителя — 29,2 лет); численное доминирование женщин (52,6%, мужчины — 47,4%); низкий уровень образованности подавляющего большинства жителей (по данным Всероссийской переписи 2010 г. доля лиц с высшим профессиональным образованием старше 15 лет — 15,9%);
 - 6 культурные: полиэтничный состав региона с численным доминированием тувинцев (82% русские — 16,3%, представители других национальностей — 1,7%); в столице распространено тувинско-русское двуязычие (государственные — русский и тувинский языки), в сельских населенных пунктах, преимущественно моноэтничных, используется только тувинский язык;
 - 7 образовательные и исследовательские: малое число и медленное развитие государственных социологических подразделений (сектор социологии и политологии в Тувинском институте гуманитарных исследований) и частных (Центр личностного и профессионального развития «Успех»); недостаток социологов с профессиональным образованием, отсутствие профилей «социология», «социальная работа» в местных учебных заведениях;
 - 8 социально-психологические: низкие адаптационные возможности тувинцев; коллективистское, инертное сознание большей части населения; выраженные патерналистские ожидания и др.

В результате на организацию и проведение исследования тратится больше времени, сил и ресурсов, прежде всего, на подготовительном этапе: на разработку маршрутов и расчет километража; обеспечение подходящим транспортом и подбор опытных водителей; подбор бригадиров, анкетеров с достаточным уровнем образования и коммуникативными навыками, их более длительную подготовку; обеспечение безопасности привлеченных работников; обязательный перевод методического инструментария на тувинский язык; неоднократную апробацию анкет с целью максимального упрощения формулировок вопросов и ответов; верстку и размножение анкет и инструкций (в связи с существенным увеличением их объема). Низкая численность и плотность населения диктуют необходимость увеличения выборочной совокупности опрашиваемых общереспубликанских исследований (исключение, столица — г. Кызыл, население — 109 906 чел., или 35,7% от общей численности). Из-за недостаточного уровня телефонизации региона нет возможности применить телефонный вид опроса.

Крайне затруднено проведение уличных опросов и опросов по месту жительства по причине сильных морозов в декабре-феврале, а в весенне-осенний период — среди населения Каа-Хемского, Тоджинского, Тере-Хольского, Монгун-Тайгинского, Эрзинского районов (ледоход, бездорожье). Нежелательно проводить опросы в августе, так как значительная часть сельского населения обычно занята сбором ягод, грибов и трав, а мужчины — уборкой сена. На городских предприятиях весомая часть «работающих» граждан находится в отпуске.

Следует учитывать, с точки зрения безопасности, анкетерам лучше работать в парах, особенно в вечернее время и на выходных. Важно, чтобы каждый из них одинаково хорошо владел русским и тувинским языками, или они были разной национальности. Во время инструктажа надо тщательно разбирать программу и анкету на тувинском языке, заострив внимание на специальных и спорных в тувинском языке терминах. Проработать моменты постановки и правильной фиксации вопросов по этнической принадлежности, языковой компетентности; разобрать характерные мотивы выбора уникальной и множественной этнической идентичности.

Все это требует повышенных расходов: на приобретение ГСМ, бумаги, услуги мобильной связи, привлечение опытных специалистов (координатора проекта, бригадиров, анкетеров, переводчика). В то же время снижение части затрат связано со сравнительно низкой ценой, за которую анкетеры готовы работать (анкета в пределах 20–25 вопросов – 70–80 руб.).

Местные жители, в целом, адекватно реагирует на опросы, в том числе и потому, что проводятся они редко. У трети респондентов наблюдаем заинтересованное отношение, она говорит о важности регулярного изучения общественного мнения.

В сельской местности люди охотно соглашаются принять участие в опросе. Но в связи с низким уровнем образования и информированности даже заполнение анкет у многих из них вызывает сложности. В столице традиционными являются отказы из-за отсутствия времени, а также неверия в то, что они могут на что-то влиять.

Возникают трудности с подбором и опросом экспертов по межэтнической тематике, оценке деятельности органов власти. Многие эксперты входят в состав различных консультативно-совещательных советов при органах власти и знают, какой подход насаждают региональные власти («не трогать актуальные межэтнические проблемы», стремление к «лакировке» действительности). Это определяет лояльность властям, определенную однородность их мнения, решительные отказы от интервьюирования даже в случае гарантии конфиденциальности их мнения.

Экспертов способных дать объективную информацию по интересующему аспекту, и открыто выразить свое мнение – немного. Их согласие и содержание ответов напрямую зависят от авторитета и статуса интервьюера.

Т.П. Кожина
**ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

КОЖИНА Татьяна Павловна – младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов Института социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН). E-mail: t.kogina@mail.ru

Доверие является одним из важнейших факторов, определяющих характер социальных отношений, способствующих установлению горизонтальных и вертикальных общественных связей, поддержанию устойчивости и интегрированности общества [1, с. 69]. Однако социологические опросы последних лет фиксируют падения уровня доверия даже в самых высокоразвитых странах мира. На посткоммунистическом пространстве исследователи отмечают кризис доверия вследствие радикальных социальных перемен, вызвавших культурный шок наряду с апатией и ностальгией по прежним временам [5, с. 8].

В настоящее время Российская Федерация относится к числу стран с низкими показателями доверия. По результатам международного социологического исследования «Edelman Trust Barometer 2013», по уровню доверия ключевым институтам (власти, бизнесу, масс медиа и общественным организациям) Россия занимает последнее место из 26 стран мира [5].

ИСЭРТ РАН проводит социологические опросы населения Вологодской области с 1996 г.¹ По результатам исследования, наиболее благоприятные оценки населения были зафиксированы в 2008 г., большая часть которого явилась завершающим этапом стабильного экономического развития. Вследствие спада в металлургическом производстве, от которого почти на 90% зависят налоговые доходы бюджета, Вологодская область существенно пострадала от кризиса. Область из региона-донора превратилась в регион-реципиент с самым значительным по России дефицитом бюджета (в 2010 г. 28%). Обострились проблемы социальной дифференциации, что также явилось причиной негативных изменений в оценках социально-политической ситуации в стране и регионе, фиксируемых в последние годы в опросах общественного мнения [2, с. 10]. По данным статистики, в Вологодской области доля населения с доходом ниже прожиточного минимума превышает среднероссийский уровень (в 2011 г. 18% против 13).

В 2012 г. в регионе продолжали снижаться показатели институционального доверия, особенно по отношению к власти. За период с 2008 по 2012 г. уровень доверия РФ Президенту уменьшился с 65 до 46%, Правительству РФ – с 60 до 40%, руководству области – с 49 до 35%. Заметно ниже стала также доля населения, доверяющего профсоюзам (26% против 36). Одновременно существенно возрос уровень недоверия федеральной исполнительной власти: президенту (с 6 до 15%) и правительству (с 10 до 19%). Значительно увеличилась также доля тех, кто не доверяет ни одному из действующих

¹ По вопросам доверия 1–2 раза в год опрашивается по 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце и 8 районах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. К «доверяющим» относятся респонденты, отметившие позиции «полностью доверяю», «в основном доверяю», к «недоверяющим» – ответившие «полностью не доверяю», «в основном не доверяю».

в стране институтов (с 21 до 32%). Вместе с тем именно федеральной власти, а также церкви по-прежнему доверяют наиболее представительные категории населения региона.

К категории институтов со средними показателями доверия и недоверия относятся средства массовой информации, профсоюзы, общественные организации, полиция, руководители предприятий. Доля и «доверяющих», и «недоверяющих» здесь в пределах 25 – 30%.

Наименьшим доверием у жителей Вологодской области пользуются бизнес и политические партии: в 2012 г. уровень доверия к ним был примерно в полтора раза ниже уровня недоверия (30 – 32% против 21).

Показатели доверия неоднозначны в разных социальных группах населения. Так, среди старшего поколения, отличающегося ярко выраженными традиционными, патерналистскими установками, были отмечены сравнительно высокие показатели доверия власти и церкви и одновременно самые неблагоприятные оценки в отношении СМИ, общественных организаций, бизнеса, политических партий. В свою очередь, молодежь лидирует по уровню доверия общественным организациям и бизнес-структурам, т.е. институтам, которые можно охарактеризовать как наиболее инновационные, мобильные, развитие которых является основой построения эффективно функционирующего гражданского общества.

Лидерами доверия к институтам власти и общества являются высокообразованные жители области. Достаточно сказать, что среди них доля лиц с абсолютным институциональным недоверием («никому не доверяю») в два раза ниже, чем в категории лиц со средним и ниже среднего образованием (21% против 41). Высокий уровень образования предполагает большую включенность в институциональную жизнь общества.

Одним из важнейших факторов, влияющих на характер институционального доверия, является материальное положение. Так, в категории 20% жителей области с наименьшим доходом доля тех, кто «никому не доверяет», достигает 46%, что в 2,4 раза выше, чем в группе 20% наиболее обеспеченных (19%). Последние, в свою очередь, характеризуются наиболее высокими показателями доверия и государственным, и общественным институтам. Отмечено, что по сравнению с 2008 г. уровень доверия власти наиболее значительно снизился среди низкообеспеченного населения, доверие церкви – среди высокообеспеченных.

Фактором институционального доверия в обществе является также пространственная специфика территории. Сложная ситуация отмечается в районах, где почти половина населения (47%) «никому не доверяет». Это в разы выше, чем в Череповце (17%) и Вологде (14%). Соответственно, уровень доверия в малых городах, поселках и сельской местности существенно ниже (в среднем 25% против 37 в крупных городах).

Таки образом, основными категориями населения, доверяющими как властным, так и общественным структурам, являются жители области с высоким уровнем образования и дохода, жители крупных городов. Однако среди этих людей негативные изменения, произошедшие за последние годы, зачастую являются более выраженными, что, с одной стороны, стало реакцией на последствия финансово-экономического кризиса, с другой, – отражает запрос экономически активного населения на последовательные реформы, открывающие больше возможностей для самореализации, «социального лифта», снимающие бюрократические преграды.

Примерно треть населения области выражает недоверие всем действующим в стране институтам власти и общества. Чаще всего это лица со средним и ниже среднего

образованием (34%), относящиеся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (46%), считающие себя бедными (38%), не видящие в действующих на сегодня партиях выразителей своих интересов (51%), жители районов (47%). Это те категории населения, для которых в большей степени характерны такие последствия общественно-политических трансформаций в постсоветский период, как аномия, отчаяние, уход в частную жизнь, неверие в возможность личного влияния на деятельность институтов государства и общества. Примечательно, что данная группа значительно пополнилась за счет 60% жителей области со средними доходами, среди которых уровень абсолютного институционального недоверия с 2008 по 2012 г. возрос на 14 процентных пунктов, до 32%.

Низкий уровень общественного доверия негативно отражается на жизнеспособности и стабильности всей общественной системы. Преодоление «синдрома недоверия» должно стать составной частью политического курса на развитие демократических основ общественной жизни, повышение нравственной и гражданской культуры населения и ответственности самой власти [1, с. 69]. Президентом поставлена задача «вхождения России в двадцатку стран с наилучшим бизнес-климатом», что «позволит нам прибавить не менее 2,5 процента к росту ВВП» [3]. Реализация планов возможна на основе доверия, которое достигается при условии прозрачности власти и бизнеса.

Литература:

- 1 Заболотная, Г.М. Феномен доверия и его социальные функции [Текст]. Г.М. Заболотная. // Вестник РУДН, серия «Социология», 2003, №1(4). С. 67 – 73.
- 2 Ильин, В.А. На трудном пути к гражданскому обществу [Текст]. В.А. Ильин. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2012. №6. С. 9 – 29.
- 3 Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://президент.рф/news/17118>
- 4 Штомпка, П. Доверие в эпоху глобализации [Текст]. П. Штомпка. // Социальная политика и социология, 2006. №4. С. 8 – 15.
- 5 2013 Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.edelman.com/tag/2013-edelman-trust-barometer/>

М.А. Ласточкина

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ РЕГИОНОВ РОССИИ»)

Ласточкина Мария Александровна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН. E-mail: mashkop@maail.ru

При анализе социальной защищенности необходимо учитывать, что она является комплексной, многосторонней экономико-правовой и социально-психологической категорией, и содержит не только объективную составляющую, но и субъективную. Используемый метод измерения социальной защищенности, основывается на данных социологических опросов, полученных по регионам России (методика разработана Н.И. Лапиным «Социокультурные портреты регионов России» [1]). Индикатором выявления уровня самооценки защищенности стали ответы на вопрос: «Насколько сегодня лично Вы чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» с перечнем 10 опасных проблем, который содержится в общероссийском мониторинге [2]. Рассчитанный коэффициент социальной защищенности показывает степень устойчивости сообщества (диапазон измерения от 0 до 1), значения свыше 0,51 можно считать достаточным уровнем защищенности, а менее 0,5 недостаточным. За анализируемый период с 2006 по 2012 гг. коэффициенты социальной защищенности в различных регионах страны были достаточно отстранены друг от друга и лежали в интервале 0,56–0,67.

Подробный анализ проблем-опасностей показал, что в 9 рассматриваемых регионах РФ наиболее низкие уровни защищенности наблюдались от преступности, лишь в Республике Чувашия отмечена достаточная защищенность (табл. 1). Эти данные показывают, что в России нет стабильности и чувства безопасности в отношении преступных посягательств, а также низка надежда на защиту правоохранительные органы. Об этом свидетельствует и существующая угроза произвола со стороны правоохранительных органов, которая замыкает список наиболее острых проблем. Т.е. в российском обществе имеется социальная разобщенность и неуверенность в своем будущем и отношениях с людьми.

Второе место занимает страх перед бедностью. Сильнее всего его чувствуют жители Смоленской, Тульской областей и Красноярского края. На третьем месте стоит проблема произвола чиновников — у большей части регион уровень защищенности недостаточный. Низкое значение данного коэффициента свидетельствует об отсутствии надежд на представителей власти и недоверии к административным структурам. Недоверие проявляется преимущественно в отношении к полиции и региональным отделениям политических партий, а также средствам массовой информации.

Экологическая угроза занимает четвертое место. Особенно тревожит данная проблемы жителей Курской, Смоленской областей и Красноярского края. Угроза для безопасности и комфортного существования человека исходит от неблагоприятного хозяйственного воздействия на окружающую природную среду. Загрязнение и истощение природных ресурсов продолжает нарастать и негативно сказываться на здоровье населения, экологической безопасности и экономической стабильности. Поэтому данная проблема будет приобретать все большую актуальность, а ее решение зависит как от

предпринимаемых шагов по снижению антропогенного давления на окружающую среду, так и от повышения уровня экологической культуры человека, его экологического образования и воспитания.

Таблица 1 Уровень защищенность населения 9 регионов России от опасностей

	Недостаточный (0,5 и менее)	Достаточный (0,51–0,7)	Высокий (0,71 и более)
Наиболее острые социальные опасности			
Преступность	Красноярский край; Смоленская, Курская, Пермская, Тюменская, Тульская, Вологодская области	Республика Чувашия	
Бедность	Красноярский край, Смоленская, Тульская, Курская, Пермская, Тюменская, Вологодская области	Республика Чувашия, Тюменская, Вологодская области	
Произвола чиновников	Красноярский край, Курская, Смоленская, Пермская, Тюменская, Тульская области	Республика Чувашия, Тюменская, Вологодская области	
Экологическая угроза	Красноярский край, Курская, Смоленская области	Республика Чувашия, Пермская, Тюменская, Тульская, Вологодская области	
Произвол правоохранительных органов	Смоленская область	Республика Чувашия, Красноярский край, Курская, Пермская, Тульская, Тюменская, Вологодская области	
Наименее острые социальные опасности			
Одиночество и заброшенность		Все 9 регионов	
Преследования за политические убеждения		Красноярский край, Смоленская, Тюменская, Вологодская области	Республика Чувашия, Курская, Пермская, Тульская области
Притеснения из-за возраста или пола		Красноярский край, Смоленская, Тюменская, Вологодская области	Республика Чувашия, Курская, Пермская, Тульская, Тюменская области
Ущемления из-за национальности			Все 9 регионов
Притеснения из-за религиозных убеждений			Все 9 регионов
Источник: Данные социологических опросов населения регионов России (Республика Чувашия (2006 г.), Пермская область (2006г.), Курская область (2007 г.), Смоленская область (2007 г.), Тульская область (2009 г.), Тюменская область (2006, 2009 гг.) Красноярский край (2012 г.), Вологодская область (2008, 2010, 2012 гг.) [2, 3]			

К наименее острым социальным опасностям относится проблема одиночества и заброшенности. Однако среди рассматриваемых регионов нет ни одного, где бы уровень защищенности был высокий. Данные проблемы многогранны и в них содержится не только нравственный аспект, но и социальный. В большей степени острота этой проблемы связана с кризисом не только традиционных семейных отношений, но и самого института семьи. Человек чувствует себя одиноким тогда, когда понимает неполноценность отношений с

другими людьми, которые значимы для него, когда он испытывает недостаток в общении. Таким образом, можно заключить, что в российском обществе существует определенный «пласт изолированных людей» (не в физическом плане). Социальное одиночество увеличивает раздробленность общества, ведет к неопределенности традиционных социальных границ и потери социальных позиций.

На шестом месте оказались преследования за политические убеждения. Чувство незащищенности от преследований за политические убеждения более ярко выражено у жителей Вологодской области, при этом отметим снижение оценок защищенности за последние два года с 38% — в 2010 г. до 31% — в 2012 г. (Россия в целом — 47% в 2010 г.). В Республике Чувашия защищенными чувствуют себя 61% населения. Притеснения из-за возраста и пола занимают седьмую позицию. В наименьшей степени жители регионов обеспокоены дискриминацией по национальному признаку и религиозным убеждениям. Это связано, прежде всего, с тем, что население рассматриваемых территорий не отличается значительным этнокультурным или этноконфессиональным многообразием, а преобладающим большинством является русскоязычное население.

Таким образом, во всех рассматриваемых территориях большую незащищенность население испытывает от внешних объективных условий (преступность, бедность, экологическая угроза, произвол чиновников и произвол правоохранительных органов), которые человек хотел бы изменить в лучшую сторону и которые, в принципе, могут быть устранены. Внутренние субъективные характеристики индивида принадлежат к наименее острым социальным опасностям (одиночество и заброшенность, преследования за политические убеждения, притеснения из-за возраста или пола, из-за религиозных убеждений, ущемления из-за национальности). Естественно, что многие из этих характеристик человек не в силах изменить, а их отторжение может разрушить его социокультурную самоидентификацию и самосознание.

Литература:

- 1 Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010) [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. Наук, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 2010. — 111 с.
- 2 Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты : монография / А.А. Шабунова и др. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — 158 с.
- 3 Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Составлено и общая редакция Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. — М., Academia, 2009. — 808 с.

М.В. Морев

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ СЧАСТЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

МОРЕВ Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего лабораторией исследования социальных процессов, Институт социально-экономического развития территорий РАН. E-mail: 379post@mail.ru

В докладе представлены результаты исследования уровня счастья, проведенного в Вологодской области в октябре 2012 г. ИСЭРТ РАН, которое позволило не только определить «счастливость» вологжан, но и увидеть факторы, влияющие на формирование позитивных эмоций и ощущения счастья у жителей региона.

Методическая основа исследования – массовый социологический опрос населения Вологодской области, проведенный в октябре 2012 г. по репрезентативной общеобластной выборке. Объем выборочной совокупности – 1500 респондентов, репрезентирующей население региона в возрасте старше 18 лет, в разбивке по следующим возрастным когортам: 18–29 лет, 30–54 лет (для мужчин 59) 55 (60) лет и старше. Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Районирование осуществлялось по избирательным округам – первая ступень выборки. Вторая ступень включала выделение типичных субъектов Вологодской области г. Вологда, г. Череповец, Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский районы. Третья ступень – территориальное районирование внутри выбранных субъектов. Четвертая ступень – при непосредственном отборе респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 5%.

Макроэкономические показатели (такие как ВВП) не всегда полно отражают реальную картину развития государства. В частности, высокий уровень дохода не всегда гарантирует удовлетворенность жизнью [4]. Поэтому актуальной проблемой является разработка альтернативных индикаторов и последующее их измерение.

По индексу счастья, рассчитанному в 58 странах мира, Российская Федерация находится на 40 месте¹. В России значительно меньше счастливых людей, чем в мире в целом (39 против 53%). Опрос проводился в октябре-декабре 2011 года в рамках всемирного исследования «Глобальный барометр надежды и отчаяния» (Global Barometer on Hope and Despair). Всего было опрошено 45 тысяч человек из 58 стран мира. В каждой стране респондентов опрашивали по национальной вероятностной выборке с помощью личных интервью, телефонных интервью или с помощью онлайн-опроса. Российскую часть опроса проводила исследовательская компания «Ромир»

По данным ВЦИОМ ощущение счастья испытывают 82% россиян [1]. В Вологодской области их доля меньше (65%).

¹ Исследование Gallup International: счастливых людей в мире в четыре раза больше, чем несчастливых / Электронный ресурс [Режим доступа]; <http://gtmarket.ru/news/2012/02/03/4013>.

Для анализа факторов, влияющих на субъективное ощущение счастья, исследовались 4 блока показателей.

Социально-экономическое положение

Среди счастливых людей доля относящихся к 20% наименее обеспеченных слоев населения в 2 раза меньше, чем среди тех, кто ощущает себя менее счастливо (15 и 36% соответственно). Кроме того, во всех доходных группах наблюдается идентичная особенность: уровень фактического дохода счастливых людей выше, чем у тех, кто чувствует себя менее позитивно.

«Счастливые» люди значительно реже, по сравнению с остальным населением, идентифицируют себя с «бедными» и «нищими» слоями населения (33% против 76% соответственно), более позитивно характеризуют свое материальное положение (10% против 5% соответственно), обладают более высокой покупательной способностью доходов.

Трудовая деятельность

Среди людей, ощущающих себя счастливыми, по сравнению с остальной частью населения, преобладают представители двух категорий: работающие трудоспособного возраста (70 против 58%) и студенты/учащиеся (7% против 3%; рис. 1). Все остальные категории по характеру занятости (за исключением военнослужащих) в большей степени представлены среди тех, кто ощущает себя менее позитивно.

Причины именно такого распределения категорий занятости в группах «счастливых» и «несчастливых» связаны с их специфическими характеристиками. Например, преобладание студентов и учащихся среди «счастливых» можно объяснить возрастными особенностями представителей данной группы. Аналогичный фактор влияет на то, что среди «несчастливых» более высок удельный вес пенсионеров, часть из которых, испытывает психологический дискомфорт в связи с утратой профессиональной деятельности, потерей социальных контактов, осознанием приближающейся старости [2, с. 89].

Рисунок 1 — Распределение оценок среди «счастливых» и «чувствующих себя менее позитивно» по роду деятельности (в% от числа ответивших на вопрос Вы счастливы или нет?)

Удовлетворенность работой является более значимым фактором счастья в регионе, чем в целом по России. Об этом свидетельствует тот факт, что среди жителей области, не чувствующих себя счастливыми, значительно больше доля недовольных характером своей профессии, чем в среднем по стране (62 и 46% соответственно). При этом оценка условий труда возможностей проведения повседневного свободного времени и регулярного отпуска в группе «счастливых» людей выше, чем среди остального населения.

Межличностные взаимоотношения

Среди счастливых жителей Вологодской области доля тех, кому взаимоотношения с друзьями и членами семьи приносят в основном положительные эмоции, в 2 раза больше, чем среди людей, чувствующих себя менее позитивно (85 и 41% соответственно). Эти данные коррелируют с оценками населения в целом по стране (92 и 71% соответственно) [3].

Следует добавить, что сами «счастливые» люди видят причину своего повышенного эмоционального состояния именно во взаимоотношениях с друзьями и близкими. Это мнение разделяет каждый второй представитель данной категории в Вологодской области (53%) и Российской Федерации (47%)².

Социально-демографические характеристики

Анализ социально-демографических характеристик показал, что чаще всего счастливыми называют себя следующие категории населения (табл. 1):

- 1 Люди в возрасте 30–55 лет (44%).
- 2 Жители городов (55%), что можно объяснить более высоким социальным и материальным положением, широкими возможностями профессионального трудоустройства, проведения досуга, условиями проживания.
- 3 Лица с высшим или незаконченным высшим образованием (41%), что связано с обстоятельствами, сопутствующими высшему образованию: более высокий социальный статус и уровень дохода, качество условий проживания, престижность профессии, уровень культуры социальной среды.
- 4 Совместно проживающие супружеские пары (58%), имеющие одного ребенка (25%), что говорит о важности семейных взаимоотношений в плане формирования ощущения счастья; а также о том, что наличие детей является одним из условий достижения психологического благополучия.

Таблица 1 Социальные характеристики «счастливых» и «чувствующих себя менее позитивно», (в% от числа ответивших на вопрос Вы счастливы или нет?)

² Данные мониторинга общественного мнения и ВЦИОМа. В структуре вопроса «Если Вы ощущаете себя счастливым человеком, то скажите, пожалуйста, почему?» фигурировало 16 вариантов ответа. В нашем исследовании представлена объединенная группа из следующих ответов: «благополучие в семье (все живы, здоровы)», «нахожу радость в детях, внуках», «есть любимый человек, любовь, люблю своих близких», «есть друзья», «есть родители».

	Счастливые	Чувствующие себя менее позитивно
Пол		
Мужской	43,3	45,6
Женский	56,7	54,4
Возраст		
до 30 лет	27,2	18,6
30-55 лет	44,1	48,9
старше 55 лет	28,7	32,5
Территории		
Вологда	25,1	24,8
Череповец	29,7	15,7
Районы	45,3	59,5
Образование		
Среднее и неполное среднее	27,2	47,6
Среднее специальное	32,1	30,9
Высшее и незаконченное высшее	40,7	21,6
Семейное положение		
Состою в зарегистрированном браке и проживаю совместно с мужем (женой)	58,2	50,4
Состою в зарегистрированном браке и не проживаю совместно с мужем (женой)	0,6	1,5
Не состою в зарегистрированном браке, но проживаю совместно с мужем (женой)	6,6	8,0
Разведен (а)	6,7	12,0
Не замужем (холост)	20,3	16,4
Вдова (-ец)	7,5	11,7

Люди, считающие себя счастливыми, по сравнению с остальной частью населения, более позитивно оценивают экономическую и политическую ситуацию в стране (43 против 27% и 49 против 27% соответственно). Среди них выше уровень доверия к действующим органам власти и общественным институтам. Каждый четвертый человек из числа тех, кто не испытывает счастья готов принять участие в акциях протеста (23%), в то время как среди счастливых людей доля разделяющих это мнение существенно меньше (13%).

Таким образом, изучение уровня и обстоятельств, определяющих счастье, носит не только научно-исследовательский, но и практический характер, поскольку от доли позитивно настроенных людей в обществе зависит уровень поддержки политического и экономического курса, проводимого государственной властью; характер психологического климата в социуме, негативными последствиями которого являются такие проблемы как преступность, алкоголизм, наркомания, суицидальное поведение и т.д.; а также уровень заболеваемости и смертности, влияющий на ожидаемую продолжительность жизни и другие демографические показатели.

Субъективное ощущение счастья определяется комплексом условий (уровнем материального благополучия, характером семейных взаимоотношений, удовлетворенностью профессиональной деятельностью и т.д.), характеризующих социальный статус индивида и определяющих уровень его притязаний. Тот факт, что большинство жителей Вологодской области и Российской Федерации связывают свое подавленное настроение преимущественно с проблемами социально-экономического характера, свидетельствует о необходимости принятия мер по повышению качества жизни социально незащищенных категорий граждан, а также по снижению негативных влияний тех социально-экономических детерминант, которые отрицательно влияют на субъективное

восприятие человеком своего эмоционального состояния (прежде всего таких как, как безработица и расслоение населения по уровню доходов).

Литература:

- 1 Лейн Р. Потеря счастья в условиях рыночной демократии, 2010. / Сайт Севастопольской городской организации Партии регионов. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sevreg.com.ua/2010/11/nasha-zhizn-uskoryaetsya-s-kazhdym-dnem.html>
- 2 Морев М.В., Шабунова А.А., Гулин К.А. Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения: монография / Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. — 188 с.
- 3 От чего зависит счастье? / Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2019. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112766>
- 4 Эффект счастья. Бюллетень Всемирной организации здравоохранения, 2011. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.who.int/bulletin/volumes/89/4/11-020411/ru/>

А.В. Немировская, Р. Фoa
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРА И
ФРОНТИРА: КОМПАРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА БАЗЕ WVS1

НЕМИРОВСКАЯ Анна Валентиновна — кандидат социологических наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Высшей школы экономики. E-mail: annanemirov@gmail.com

Фoa Р., Гарвардский университет

Формирование выраженного центра и фронта (англ. «рубеж, граница») вследствие заселения новой территории, окраин, рубежей страны — явление, типичное в истории ряда очень непохожих друг на друга государств на разных материках. Исторически, под фронтом понималась приграничная полоса, либо область «свободных земель» во внутренних районах североамериканского континента, которая до конца XIX в. осваивалась белыми поселенцами и постепенно перемещалась («подвижная граница») в ходе территориальной экспансии на Запад, вплоть до Тихоокеанского побережья. Расселение путем освоения новых обширных земель присуще ряду современных государств: США, России, Канады, Бразилии, Аргентины, Китая, Мексики и Австралии, где в последние пару столетий образовались регионы фронта — отдаленные от исторического, культурного и административного центра государства территории, большая часть населения которых является либо переселенцами в первом поколении, или потомками переселенцев. В этих странах, расположенных как на американских континентах, так и в Евразии, регионы современного фронта представляют собой значительные по размеру территории с низкой плотностью населения, которые заселялись схожим образом: переселенцы занимали и осваивали новые земли, основывали поселения, устанавливали власть, формировали институты государственного и само-управления, политические организации, полицию, судебные органы, обустроивали повседневную жизнь социума с помощью различных общественных объединений.

Современный фронт может быть определен по таким параметрам, как значительная административная удаленность (расположение на дистанции от центральной власти), немногочисленное население, и относительно недавнее, в течение последних полутора сотен лет, заселение территории пришлым населением. Главным образом, большинство жителей территорий фронта являются либо переселенцами, либо их потомками. Помимо удаленности от центральной власти, от столицы государства, и низкой степени заселенности региона, важной характеристикой фронта является новизна административных структур, относительно недавнее установление социальных институтов на заселенной или колонизированной территории. Поскольку подавляющее большинство локальных сообществ фронта возникли относительно недавно, на этих территориях еще не сформировалась жесткая социальная иерархия, локальные институты власти также характеризуются относительной новизной. Как свидетельствуют исторические факты, данные современной национальной статистики, исследования антропологов и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Социальная структура и социальные институты регионов центра и фронта России: качество жизни и потенциал модернизации», № 13-33-01319.

культурологов, многочисленные фронтальные нарративы — явление фронта не уникально, хотя и обладает исторической спецификой в каждой стране. Можно утверждать, что освоение регионов фронта — не только факт исторического формирования американского социума, но более широкий социальный феномен, проявляющийся в истории и культуре многих стран.

В основе региональной типологизации географического и социокультурного пространства страны на регионы центра и фронта лежит историко-географическая концепция фронта американского историка Ф.Дж. Тернера, объяснявшего эгалитаризм, индивидуализм и социальную кооперацию жителей Запада США условиями жизни на фронте страны. Ф. Тернер определял фронт как границу между освоенными и неосвоенными землями, «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» [Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. — М., Весь мир, 2009]. Возможно ли «тезис о фронте» Тернера распространить и на другие регионы, похожи ли сообщества «зон освоения» разных стран? До сих пор положения историко-географической концепции фронта не подвергались количественному эмпирическому анализу в социологии, хотя эта тематика весьма популярна в исторической и этнографической литературе (Billington R., Ridge M., Robinson J., Garcia-Jimeno C., Wrobel D.M., Hartz L., Агеев А.Д., Замятина Н.Ю., Резун Д.Я., Румянцев В.П., Хахалкина Е.В., Супоницкая И. и др.). На основе анализа базы данных опросов Всемирного исследования ценностей (WVS) мы предприняли попытку выявить ключевые социокультурные особенности социумов современного центра и фронта в разных странах мира. Для эмпирического анализа совокупные данные пяти волн WVS с 1981 по 2007 г. были разделены в границах современных территорий США, России, Канады, Аргентины, Мексики, Бразилии, Китая, Австралии по регионам центра и фронта каждой страны. Так, например, совокупная выборка респондентов из России составила 6573 человека, из них 5382 жителя территорий центра страны и 1191 житель фронта России.

Результаты анализа опросных данных современных социологических исследований показывают, что исторические процессы расселения наций на удаленных территориях своих стран оказали влияние на социокультурное пространство этих регионов, способствовали формированию отличающихся от социума «центра страны» ценностей и социальных институтов. Опыт проживания на граничных территориях ведет к формированию устойчивого набора ценностных установок, таких как индивидуализм (рис. 1), эгалитаризм, приверженность либертарианским экономическим принципам (рис. 2), социальный активизм, более высокий уровень социального доверия (рис. 3), более тесные социальные взаимодействия (рис. 4), гражданское участие, консерватизм, традиционализм, а также склонность в большей степени полагаться при разрешении возникающих проблем на взаимодействие с окружающим сообществом, нежели на помощь со стороны государственных институтов, и меньшая поддержка государственной власти в целом. Подобные социокультурные особенности характерны для населения территорий фронта всех вышеперечисленных стран и отличают пионеров освоения новых земель от жителей центральных, коренных территорий в этих государствах.

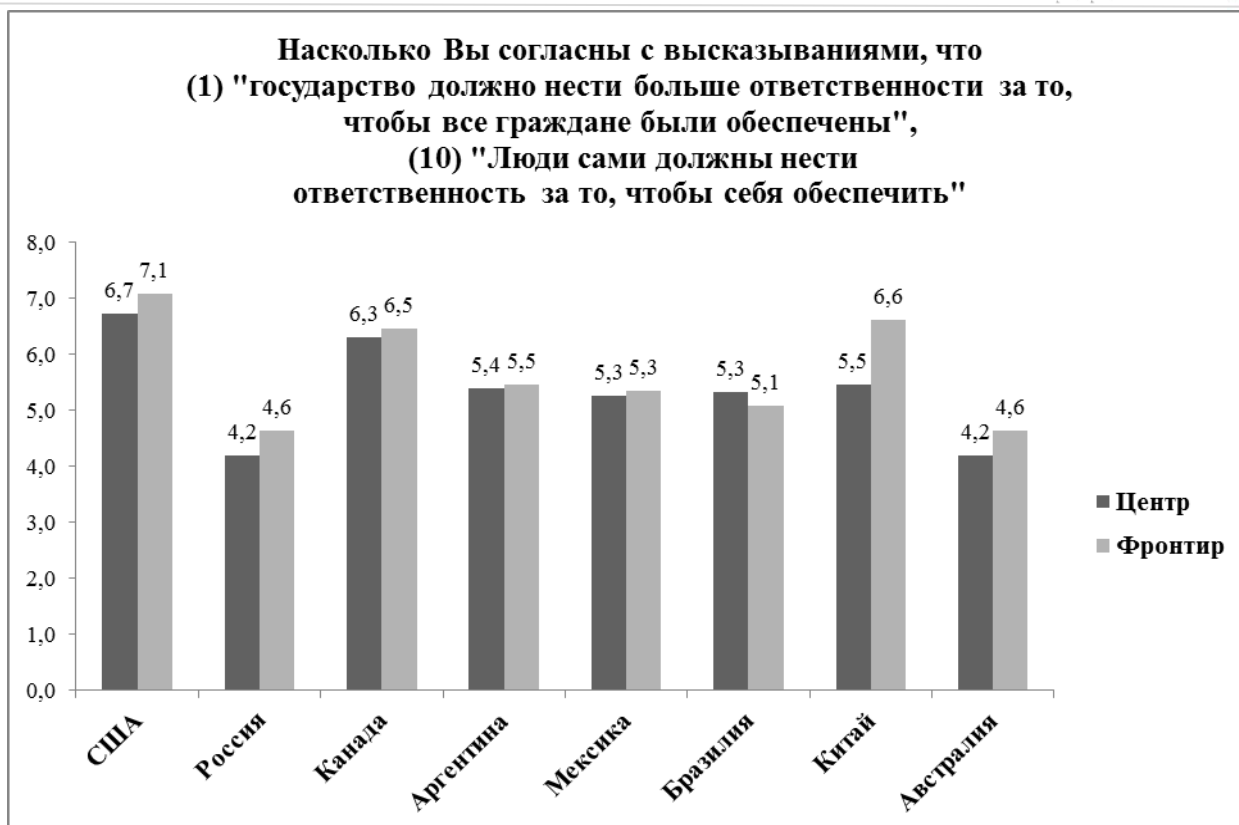

Рисунок 1 — Показатели отношения к ценности индивидуализма на территориях центра и фронта среди жителей разных стран

Рисунок 2 — Показатели отношения к эгалитаризму на территориях центра и фронта среди жителей разных стран

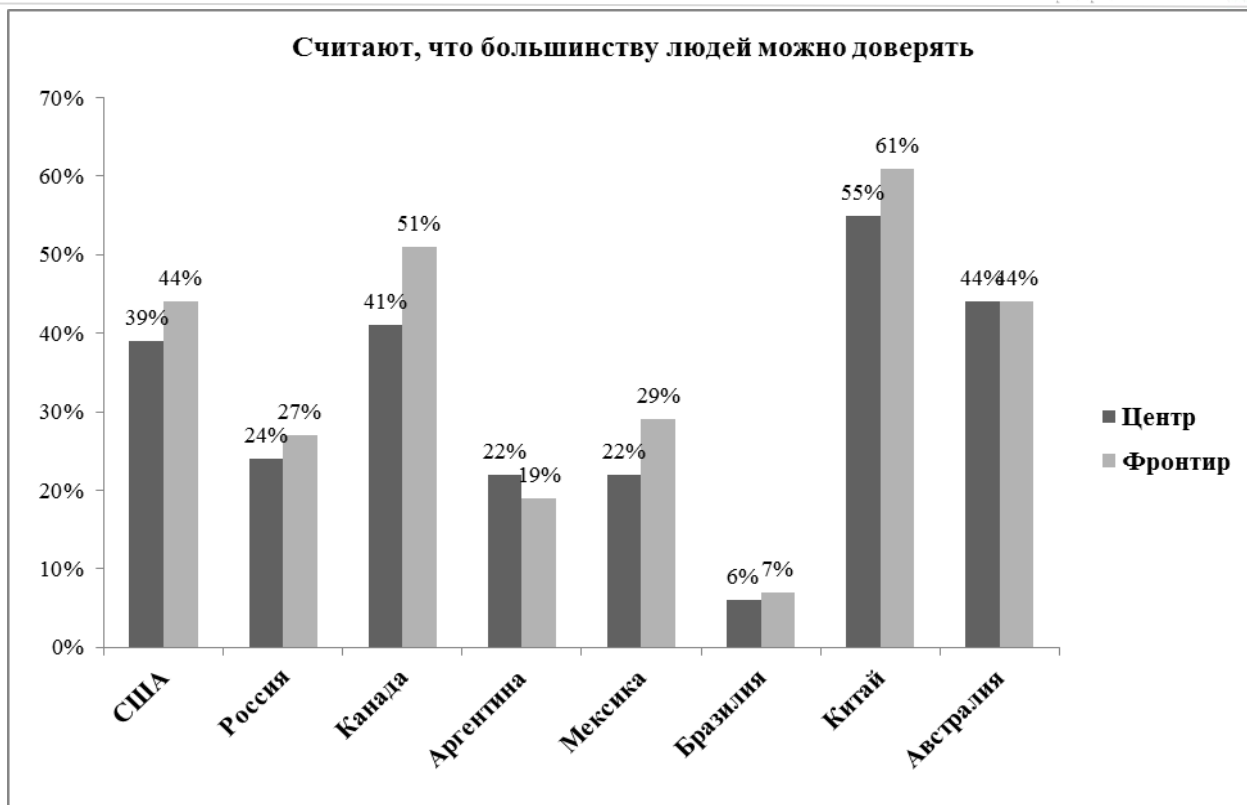

Рисунок 3 — Показатели уровня социального доверия на территориях центра и фронта среди жителей разных стран

Рисунок 4 — Показатели социального взаимодействия на территориях центра и фронта среди жителей разных стран

Жители фронта отличаются более высоким уровнем толерантности по отношению к аскриптивным признакам (таким, как расовая принадлежность или статус мигранта (рис. 5)), что можно объяснить историей проживания респондентов в мультиэтничном сообществе, и принадлежностью к выходцам из других регионов, но, вместе с тем, они в значительной степени нетерпимы к носителям отличающихся стилей жизни (парам, живущим в гражданском браке, гомосексуалистам (рис. 6 и 7)). Этот результат соответствует представлению о том, что населению фронта присущи либеральные политические и экономические взгляды, но, тем не менее, оно является более консервативным в плане отношения к социальным и культурным инновациям (рис. 6–8).

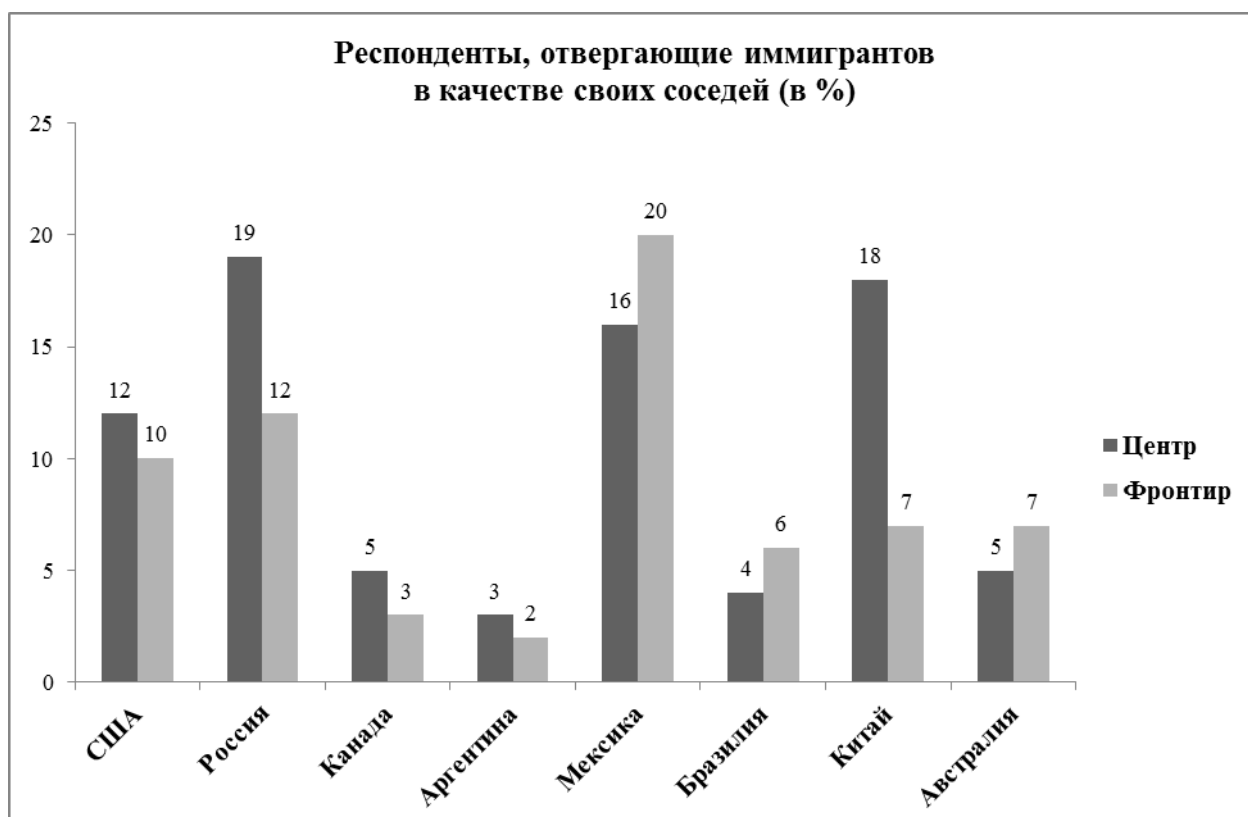

Рисунок 5 — Уровень толерантности по отношению к аскриптивным признакам на территориях центра и фронта среди жителей разных стран

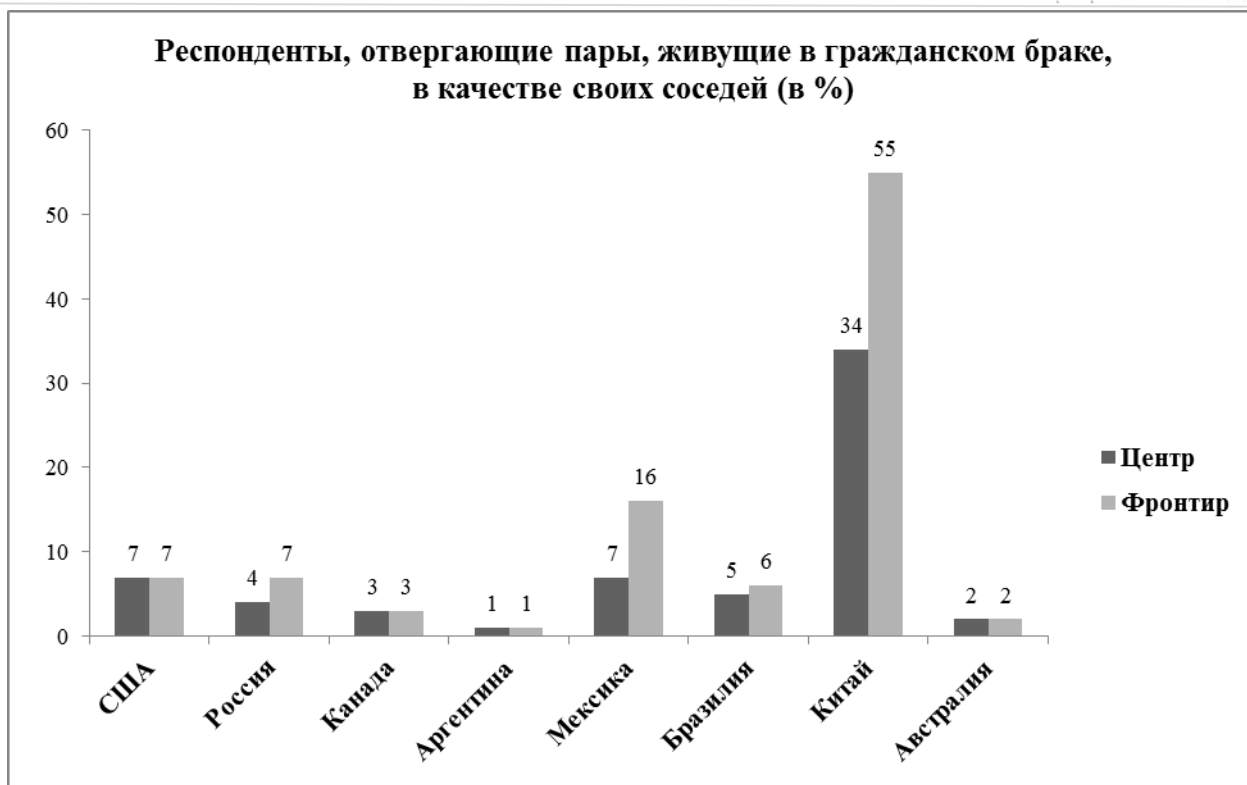

Рисунок 6 — Уровень толерантности к носителям отличающихся стилей жизни (живущим в гражданском браке) на территориях центра и фронта среди жителей разных стран

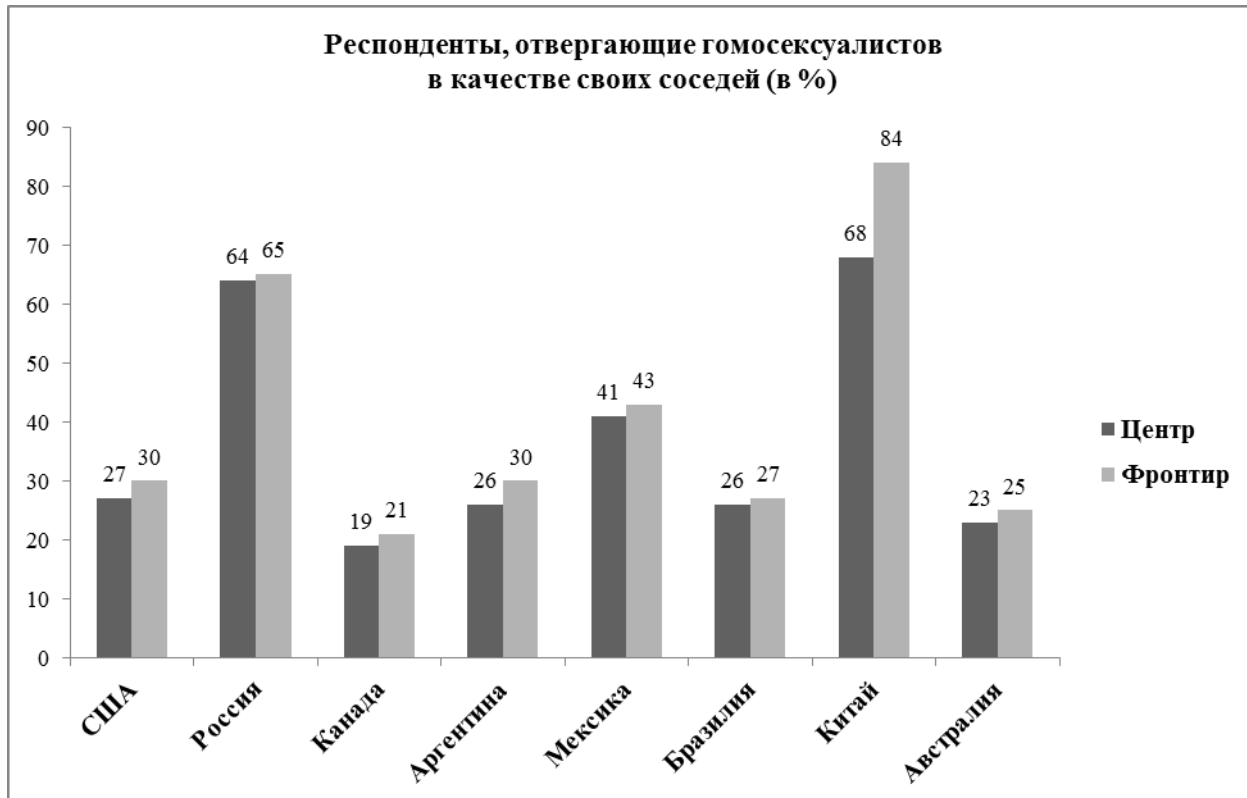

Рисунок 7 — Уровень толерантности к носителям отличающихся стилей жизни (гомосексуалистам) на территориях центра и фронта среди жителей разных стран

Рисунок 8 — Отношение к гомосексуализму на территориях центра и фронта среди жителей разных стран

В результате эмпирического анализа данных Всемирного исследования ценностей были выявлены социокультурные особенности, принципиально отличающие жителя фронта, иными словами — «территории освоения», или «приграничной территории», от жителя коренных территорий страны. Таким образом, известный «тезис о фронтире» не только находит подтверждение в особенностях социальных норм и институтов на Западе США, но и доказывает существование общего феномена фронта, который можно обнаружить в других регионах. В частности, анализ данных опросов населения США, России, Канады, Бразилии, Аргентины, Китая, Мексики и Австралии показал более высокий уровень спонтанной социальной организации, участия в общественных объединениях, социального доверия, толерантности к представителям других социальных групп, гражданского протеста — все это характерные черты жизни социума фронта в целом, не только особенности исторического опыта Америки.

Литература:

- 1 Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- 2 Замятина Н.Ю. Образ фронта в США и России // Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронт. Вып. 2. Томск, 1997.
- 3 Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. — Вып. 1. — Новосибирск, 2001

- 4 Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири. Новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009.
- 5 Супоницкая И. Русская Сибирь и Американский Запад. 012. — URL: http://www.liveinternet.ru/users/word_solo/post202048741/ (дата обращения: 28.02.2013).
- 6 Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. — М., Весь мир, 2009.
- 7 Billington R., Ridge M. Westward Expansion. A History of the American Frontier. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2001.
- 8 Robinson J., Garcia-Jimeno C. The Myth of the Frontier // Understanding Long-Run Economic Growth: Geography, Institutions, and the Knowledge Economy. National Bureau of Economic Research, Inc., 2009. pp. 49-88.
- 9 The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia. Edited by L. Hartz. New York: Harcourt, Brace & World, 1964.
- 10 Wrobel D.M. Beyond the Frontier-Region Dichotomy // Pacific Historical Review. vol. 65. no. 3. 1996. pp. 401-430.